

Memoria et Gloria

© доктор филологических наук В.А. Маслова, 2013

Статья посвящена анализу творческого наследия фразеолога-классика Вероники Николаевны Телия, которая разработала одно из самых плодотворных в XXI веке направлений – лингвокультурологическое; язык для нее был прежде всего культурным кодом нации, а уже потом – орудием коммуникации и познания.

Ключевые слова: культурный код, антропоцентрическая фразеология, культурная коннотация, лингвокультурология

В минувшем году лингвистика потеряла многих выдающихся личностей, оставивших значительный след в мировой науке, в первых рядах которых – Вероника Николаевна Телия, ученый – мировым именем, выдающийся фразеолог-классик, яркая творческая индивидуальность, блестящий оратор, прекрасно владевший всеми тонкостями искусства Слова, автор фундаментальных исследований по русской семантике и фразеологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.

Мне посчастливилось познакомиться с ней в середине 70-х годов: она читала лекции в Твери (тогда Калинин) на ПФК преподавателей вузов, где я была слушателем. После многочасовых бесед мы подружились. Постепенно ее московский дом стал для меня родным. Она всегда была бескомпромиссным критиком моих работ, предельно доброжелательным и язвительным одновременно. Именно ее «суд» для меня всегда был самым важным, большего человеческого участия я в своей жизни не встречала. Настоящий друг, способный в любую минуту подставить плечо (таким был ее приезд на защиту моей ДД в 1991 году в Минск), она была образцом для подражания не только для меня, но и для многих коллег и друзей. И хотя моим учителем в прямом смысле она не была, но я всегда пыталась строить свою жизнь «по Телия».

Основная заслуга Вероники Николаевны, как мне кажется, в том, что ей удалось перевести фразеологию с таксономической системно-структурной парадигмы в новую – антропоцентрическую – и разработать одно из самых плодотворных в XXI веке направлений – лингвокультурологическое, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Человек становится носителем общечеловеческих и культурно-специфических ценностей. Здесь две стороны вопроса – человек в языке и язык в чело-

веке. Особенно плодотворно развивала Вероника Николаевна второй подход.

Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, это метафоры типа: *солнце село, тень легла, метель разыгралась, дождь стучит по крыше, ручей бормочет, метель укутала людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез* и др. Особенно впечатляют яркие поэтические метафоры-образы: *мир, пробудившись, встрепенулся; лениво дышит полдень; лазурь небесная смеется; свод небесный вяло глядит* (Ф. Тютчев). Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни и других ученых. Например, В. фон Гумбольдт утверждал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения».

В.Н. Телия внесла большой вклад в теорию номинации: в описание общих закономерностей образования языковых единиц, в разработку роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, в исследовании языковой техники номинации, а также в разработку теории вторичной номинации, отличительным признаком которой является использование комбинаторной техники языка в процессе формирования новой номинативной единицы. Вероника Николаевна справедливо отметила, что в основе всех видов вторичной (косвенной) номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, а в самих процессах номинации формируется и семантика языковых единиц, и их способность указывать на фрагменты мира в речевых актах.

В.Н. Телия пыталась найти ответ на многие вопросы: почему можно думать о чувстве как об огне или холоде и говорить о *пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы, о морозе, пробежавшем по коже от страха* и т. д. Осознание себя «мерой всех вещей» придает человеку право творить в своем сознании антропометрический порядок вещей, который она и исследовала. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей.

Научная щедрость, потрясающая честность, сочетающиеся с высоким интеллектом и интеллигентностью, позволили заложить фундамент научной школы проф. В.Н. Телия – известной в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов (MSLCFraz), или кратко – Московской фразеологической школы. В.Н. Телия и ее учениками исследуются языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка, т. е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры. Лингвокультурология «ориентирована на культурный фактор в язы-

ке и на языковой фактор в человеке» [Телия 1996: 222]. Эта концепция близка позиции А. Вежбицкой (*Lingua mentalis*) – имитации речедеятельностных ментальных состояний говорящего.

В.Н. Телия, с ее мощным интеллектом, не только поставила важные вопросы в проблеме взаимодействия языка и мышления, но и смогла ответить на них. Так, если принять постулат о том, что язык и культура взаимосвязаны (а это две разные семиотические системы), то нужно искать ту промежуточную сущность, с помощью которой осуществляется эта связь. Разные авторы обозначили эту сущность различными терминами – лингвокультурема, логоэпистема и др., однако, назвать явление еще не значит понять его онтологию и механизмы, это удалось сделать лишь Веронике Николаевне, предложившей понятие *культурной коннотации*. Это такой промежуточный элемент, который обеспечивает онтологическое единство языка и культуры, это идеальное, прикрепляющее культурную информацию к языковому знаку. Эта гипотеза была выдвинута применительно к фразеологизмам-идиомам и фразеологическим сочетаниям [Телия 1996: 215-237], что позволило современной фразеологии выйти на новые рубежи в изучении специфики фразеологизмов как знаков языка и культуры. В наиболее полном виде культурные представления закрепились в идиомах, фразеологических сочетаниях, пословицах, поговорках, составляющих особый культурный фонд народа, потому что, как справедливо заметила В.Н. Телия, «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 215].

Именно Веронике Николаевне удалось понять механизм того, как объекты реального мира (*мост, гвоздь, лес* и под.), помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т. е. становятся носителями дополнительной информации (*мосты дружбы, гвоздь программы, лес рук*). «Содержание культурной коннотации, в отличие от собственно языкового спектра – рационально-оценочного, эмоционального, функционально-стилистического, вычерпывается из референции к предметной области культуры. В культурной коннотации языковые сущности играют роль символов, эталонов, мифологем и других видов знаков симболярия (в смысле В.Н. Топорова) “языка” культуры. Поэтому их интерпретация должна осуществляться в пространстве концептосферы культуры» [Телия, Дорошенко 2010: 7].

Еще одно чрезвычайно продуктивное для современной лингвистики понятие, разработанное В.Н. Телия, – *культурный код*. Понятие кода пришло из семиотики. Кодом задается значимость знака, а интерпрета-

тор (воспринимающий) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой, поэтому код вырабатывается и функционирует в культуре. Под кодом культуры понимаются как источники «окультуренного мировидения (живыми существами, артефактами, ментефактами), которые явились предметами культурного их осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственного культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия, Дорошенко 2010: 8]. Коды культуры формируют национальную картину мира, являясь одновременно и репертуаром сигналов и способом структурирования культурного знания.

Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Они универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. Не только культура, но и язык выступает как совокупность различных кодов.

Выделяют целый ряд кодов культуры: космогонический (*быть на седьмом небе*), соматический (*голова колонны, третий глаз*), пространственный (*слева, верхний*), временной (*на октябрьские, перед Рождеством*), предметный (*угол преткновения*), зооморфный (*львы, орлы в геральдике*), природно-ландшафтный (*рукав реки, подошва горы*), архитектурный (*храм науки*), гастрономический (*мед, соль земли*), обонятельный (*запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом*), код одежды (*до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке*), духовный код (*вера, спасение, страдание*) и др. Именно эти коды являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры.

Будучи не только ученым-энциклопедистом, но ученым-практиком (не случайно она часто цитировала В.В. Виноградова об особом даре лингвиста – писать грамматики и составлять словари), она разработала принципиально новый тип описания фразеологической системы русского языка.

Организаторский талант и талант лексикографа позволил ей вместе с группой учеников и единомышленников выпустить 2 словаря – «Словарь образных выражений русского языка» (М., 1995 – 466 с.) и «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (М., 2006 – 788 с.). Оба названных словаря становятся образцом нового лексикографического жанра, который не имеет аналогов в русской фразеологической традиции.

В первом из названных словарей даны не только толкования фразеологизмов и грамматические сведения, но и разработаны необходимые

режимы правильного употребления фразеологизмов в речи, т. е. ею предложена категория речевого стандарта, связанная с демократизацией языка на рубеже веков. Кроме традиционных дефиниций, словарь содержит смысловые и ситуативные подтолкования, разработана целая система эмоциональных, оценочных и стилистических помет, общая организация материала – тематическая. Иллюстративный материал впервые организован в рамках «Я–ты–он–грамматики» (Э. Бенвенист). К словарю прилагаются три указателя, позволяющие облегчить поиск нужного фразеологизма: «Тематический указатель идиом», «Алфавитный указатель идиом» и «Алфавитный указатель слов-компонентов». Все это делает данный словарь незаменимым при обучении русскому языку инофонов.

«Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий», вышедший на 10 лет позднее являет собой доработанную и отшлифованную до блеска концепцию первого словаря. В нем представлены толкования значений 1500 наиболее употребительных фразеологизмов русского языка. Фразеологизмы описываются как знаки языка культуры, поэтому в толковании дается ситуация, в которой используется данный фразеологизм, и приводится ее свернутая формула, что позволяет правильно выбрать фразеологизм в быденном общении. Примеры, взятые из всех жанров письменной речи, в том числе – из Интернета, также указывают на особенности употребления фразеологизмов.

В словаре впервые представлена система символических значений, а также эталоны и стереотипы как знаки «языка культуры». Это принципиально новый тип фразеологического словаря. Тщательно разработанные статьи позволят точнее реконструировать языковую картину мира, они расширяют знания о ментальном мире человека. Каждая словарная статья в нем – самостоятельный лингвистический жанр. Такой словарь должен стать основой для изучающих русский язык как неродной.

Таким образом, работы Вероники Николаевны, будучи абсолютно новаторскими в осмыслении того или иного языкового явления, становились классическими почти сразу же после выхода их в свет.

Бескорыстная самоотдача во всем – преданность науке, дисциплина мышления, дух подвижничества, влюбленность в язык и науку о нем, позволили Веронике Николаевне оставить богатое творческое наследие, в котором заложены целые пласты теоретически обоснованных, оригинальных, научно перспективных концепций, ориентированных на решение центральных проблем номинации, фразеологии, лингвокультурологии, лексикографии и др.

Влияние ее незаурядной личности на нравственную атмосферу коллектива, где она работала, – трудно переоценить. В.Н. Телия были при-

суши высочайшая требовательность к себе, бескомпромиссность и одновременно доброта и понимание по отношению к другим. Ее высокие нравственные принципы, уважение к иным научным концепциям и направлениям, блестящие ораторские способности – все это составляло основу личности ученого-классика, ушедшего от нас. Многие из начатого ею живет в ее учениках и продолжается ими.

Л и т е р а т у р а

1. *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конф., посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. Тула, 2010. В 2-х тт. Т. 1. С. 5–13.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

MEMORIA ET GLORIA

V.A. Maslova

Keywords: cultural code, anthropocentric phraseology,
cultural connotation, cultural linguistics

Abstract

This article analyzes the creative heritage of Veronica Nikolaevna Teliya – a classical phraseologist who developed the linguocultural area as one of the most productive linguistic areas in the twenty-first century. First of all, the language was for her a cultural code of the nation, and only then – a tool of communication and knowledge.